

М.Г. Иванова**M. Ivanova****ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ
В ПОЛИТОЛОГИЧЕСКОМ
АНАЛИЗЕ****PSYCHOLOGY OF POWER
IN POLITICAL ANALYSIS****Аннотация**

В статье проводится анализ существующих в психологии подходов к исследованию концепта «власть». В частности, анализируются теоретические положения концепций психоанализа, бихевиоризма, экзистенциально-гуманистической школы, когнитивной психологии и исследуются некоторые отечественные теории. В статье рассматриваются исторические и психологические основания власти в обществе. Показывается связь ценностей и мотивов с феноменом подчинения. Исследуются различные исследовательские подходы к анализу политического восприятия. В целом, из всех предложенных подходов обосновывается полезность теории архетипов и важность исследования глубинных концептов культуры. Отмечается, что политические психологи и политологи всё больше обращают внимание на связь эмоций, бессознательных установок и предпочтений в выборе той или иной модели политической власти. Автор приходит к выводу, что современному психологическому подходу к власти не достаёт анализа изначальных архетипов культуры и концептов, лежащих в основании менталитета. Ценностный и мотивационный подходы не выполняют, по мнению автора, задач, стоящих перед исследованиями в области политической психологии. В связи с тем, что ценности не обладают устойчивостью в процессе исторического развития общества, они могут выступать показателем лишь временных социально-психологических явлений и феноменов. Отмечается, что существуют различные проторечевые и архаические формы власти, что можно увидеть на примере анализа концепта «приказ». В статье отмечается, что эвристически полезной является концепция архетипов коллективного бессознательного, которая была предложена К.Г. Юнгом и впоследствии получила своё развитие в исследованиях других авторов.

Abstract

The article analyzes the existing approaches to the study of the concept of "power" in political psychology. In particular, the author focuses on theoretical foundations of psychoanalysis, behaviorism, existential-humanistic school and many others. The article analyses historical and psychological foundations of power in a society. Also, the article shows connection of political values and motives with the phenomenon of subordination. The author investigates various approaches in analysis of political perception. The author emphasizes heuristic potential and usefulness of the theory of archetypes and the study of the deep concepts of culture. It is noted that political psychologists and political scientists are increasingly paying attention to the relationship of emotions, unconscious attitudes and preferences in the choice of a particular model of political power. The author comes to the conclusion that contemporary psychological approach to power lacks the analysis of the original archetypes of culture and concepts underlying the mentality. According to the author, Value and motivational approaches do not perform challenges, facing research in political psychology. Due to the fact that values are not sustainable in the process of historical development of society they can serve as an indicator of only temporary socio-psychological phenomena. It is noted that there are archaic forms of power, that can be seen in the analysis of the concept of "order". Despite the fact that in modern society power takes more cultural and civilizational forms, the origins of power are rooted in deep human attitudes, that influence on the formation of the main institutions of power.

Ключевые слова:

власть, теории власти, мотив подчинения, архетипы, политологический анализ.

Key words:

power, theories of power, motive of subordination, archetypes, political analysis.

Концепт власти часто рассматривается в категориях экономической необходимости или социальных причин, однако развитие общественных институтов может иметь гораздо более глубокие корни, связанные с протоконцептами и архетипами, заложенными в человеческом сознании. Отсюда, исследование власти с позиции психологии может принести известную пользу в политологическом анализе, особенно при рассмотрении глубинных оснований политического поведения и политического устройства в различных странах. Природа политических архетипов в России и их влияние на образование государственных институтов всё больше становится предметом политологического анализа и, в частности, подробно рассматривается в ряде наших отдельных статей: «Роль национальных архетипов для формирования образа будущего России» [4, с. 309-315], «Социально-философский анализ архетипов России» [5].

Первоначально подсознательные мотивы власти стали предметом изучения в рамках психоанализа. В частности, З. Фрейд описал феномен власти при исследовании психологии масс. Он проанализировал такие, по его мнению, «искусственные массы», как церковь и армия, где власть основывается на представлениях о верховном носителе власти, который одинаково и равнодушно доброжелательно относится к каждому отдельному члену группы (феномен вождизма). Ранее этот подход был обоснован в концепции конфуцианства, где провозглашался идеал правителя – отца, который в равной степени относится к каждому члену своего государства так, словно к члену своей семьи. Действительно, большинство людей нуждается в авторитетах, но авторитетах не формальных, а «по-отечески» близких. З. Фрейд утверждал, что это связано с «тоской по отцу», которая «живет в каждом человеке с детства». В этом смысле, «Праотец» или «Отец всех народов» часто становится идеалом для масс, а в некоторые исторические периоды этот протоконцепт начинает довлеть над личностью и индивидуальной свободой [15, с. 160-174]. Среди основных психологических характеристик человека, являющегося вождём, З. Фрейд выделял следующие: «он никого не любит, кроме себя (за исключением тех, кто служит его потребностям)»; «он самоуверен и самодостаточен»; «имеет большую силу»; «обладает свободой сексуального наслаждения»; «подавленная сексуальность сублимируется в стремление к власти... и это стремление к власти представляет собой форму невроза» и т.п. [15, с. 130-185].

С. Московичи также исследовал феномен «культы отца» и обосновывал присутствие его в обществе посредством тотемической гипотезы, согласно которой «власть вождя» связана с «обожествлением отца» с одной стороны, и с постоянным «воскресением его имаго» – с другой. Согласно С. Московичи данный культ отчасти воплощается в таких словесных формулах, как «отцы церкви», «отец нации», «отец партии», «царь-батюшка», «отец Советского народа» и т.п. Таким образом, С. Московичи пишет о постоянном возрождении в любом этносе древнего прототипа вождя как отца, что и объясняет иррациональную природу подчинения харизматическим личностям: «Де Голь возродил (в себе – авт.) не только фигуру Наполеона, но и фигуры всех королей Франции, так, что заставил всех опасаться, впрочем, не без тени надежды со стороны некоторых, как бы он ни реставрировал монархию» [10, с. 685].

Психоанализ в XX веке предложил ещё несколько подходов к анализу концепта власти. Так, К.Г. Юнг отмечал, что власть обусловлена коллективным бессознательным и не мыслима вне этого пласта коллективной психики. Можно сказать, что для К.Г. Юнга архетипы коллективного бессознательного – это сгустки эмоциональной коллективной памяти и энергии, воспроизводящие себя в различных культурах с неизменным постоянством. При этом, К.Г. Юнг полагал, что основой для исследования должна быть не светская власть, а скрытое психологическое влияние, которое не доступно пониманию обывателя. По К.Г. Юнгу подлинной властью обладает лишь тот индивид, который посредством исследования архетипов получает доступ к области коллективного бессознательного [17, с. 765 – 778].

Э. Фромм изучал преимущественно автократическую власть, которую описывал в терминах садистско-мазохистских стремлений: «Можно назвать три типа садистских тенденций более или менее тесно связанных друг с другом. Первый тип – это стремление поставить других людей в зависимость от себя и приобрести полную и неограниченную власть над ними... Второй тип – стремление иметь не только абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать... Третий тип садистских тенденций состоит в стремлении причинять другим людям страдания или видеть, как они страдают... А все разнообразные формы мазохистских стремлений направлены к одному: избавиться от собственной личности, потерять себя; иными словами, избавиться от бремени свободы» [16, с. 579 – 584].

Э. Фромм, таким образом, описал феномен «бегства от свободы», которое проявляется, по его мнению, выражением высшей степени мазохизма: «Уничтожение собственного «я» и попытка за счет этого преодолеть невыносимое чувство бессилия – это только одна сторона мазохистских наклон-

ностей. Другая – это попытка превратиться в часть большего и сильнеешего целого, попытка раствориться во внешней силе и стать ее частицей. Этой силой может быть другой человек, какой-либо общественный институт, бог, нация, совесть или моральная необходимость. Став частью силы, которую человек считает непоколебимой, вечной и прекрасной, он становится причастным к её мощи и славе. Индивид целиком отрекается от себя и от собственной свободы..., но при этом приобретает новую уверенность и новую гордость в своей причастности к той силе, к которой теперь может себя причислить» [16, с. 584].

При этом, Э. Фромм отмечал, что мазохизм и садизм встроены в природу каждого человека и что это очень пластичные области, которые имеют склонность перетекать друг в друга, оставаясь в рамках модели «власти – подчинения». Единственный способ, по Э. Фромму, выйти из подобной психологической дилеммы – это перестать потакать указанным ролям, отказаться как от стремления угоднического подчинения, так и от подавления воли других людей. Если человек способен полностью взять на себя право управления и ответственность за происходящие в его жизни события, то негативизм концепта «власть» перестаёт довлеть над бытием такого индивида.

Интересно наблюдение Э. Фромма касательно того, что феномен подчинения в человеческом обществе произрастает из стремления человека отказываться от независимости своей личности и соединять свое «я» с кем-то или чем-то, что его превышает (с большим «Я», которое может быть выражено государством или властью харизматической личности). Если в государстве большинство людей занимает такую психологическую установку, то это, по Э. Фромму, создает предпосылки для формирования в обществе авторитарной личности.

В целом несмотря на то, что в данной статье представлены далеко не все разработки психоанализа, можно сказать, что все эти концепции объединяет идея о том, что стремление к власти рассматривается в качестве доминирующей черты человеческого сознания. Соответственно, в рамках политологического анализа школой психоанализа предлагается исходить из психологии власти и бессознательных установок человека на реализацию влияния или подчинения.

Среди других психологических теорий власти следует особо выделить подход бихевиористов, в частности, исследования Б. Скинера, Дж. Уотсона, Г. Лассуэлла и др. Теория политического реализма, предложенная бихевиористами, рассматривала власть как основной инструмент и ценность политической системы. В связи с этим бихевиористы разрабатывали концепции подкрепления, подражания, программирования электорального поведения,

цель которых можно кратко сформулировать словами Б. Скиннера: «Ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, чтобы улучшить контроль над ними».

Можно утверждать, что благодаря бихевиористам западная политическая наука оформилась в науку о власти, как набор определённых эффективных методов управления электоральным поведением. Западные идеологи начинают всё больше и больше развивать идеи о необходимости рациональной координации власти в обществе, в том числе, о таком воспитании подрастающего поколения, которое бы закладывало в них уже сформированные установки (или выборы) тех или иных политических взглядов. Бихевиористы мечтали о создании прогнозируемой политической системы и выполнение этой задачи видели в формировании у индивидов определенных благоприятных социальных черт, что позволило бы им не только управлять эволюцией, но и с детства «вращивать» сторонников той или иной политической системы. Особенно эту идею активно продвигал Д. Истон [6, с. 319-331]. На практике данная доктрина выразилась в создании технологии манипуляторного воздействия на массовое сознание и нашла широкое применение в современной политической пропаганде.

Бихевиористов часто критиковали, вместе с тем, многие из предложенных ими технологий, особенно в мониторинговой политике, продолжают активно применяться, как в западной, так и в отечественной политтехнологиях [2, с. 154-172]. Также, нельзя не отметить, что бихевиористами были предложены и такие методы исследования, которые доказали свою полезность на практике. В частности, Г. Лассуэлл отмечал, что история болезни политика может дать богатый материал для анализа его деятельности в рамках политического процесса и тем самым помочь в прогнозировании его политического поведения [21]. Таким образом, особенности физиологии и психологии личности стали учитываться при анализе феномена политического лидерства.

Следующая группа психологических теорий предложила совершенно иной взгляд на природу власти. Экзистенциально-гуманистические концепции остро поставили перед обществом вопрос, который Г. Гессе сформулировал так: «Человек я или вошь?». Представители данного подхода (среди которых можно выделить К. Роджерса, Г. Олпорта, Э. Мэй и др.) исследуют власть через высшие человеческие ценности, выделяя важность ответственности, а также связь власти с индивидуальной свободой, творчеством, автономией личности и т.п.

Так, В. Франкл, рассуждая на темы власти и свободы, пришел к выводу о том, что свобода человека важнее идеологии подчинения или равенств

ва: каждый человек, по его мнению, изначально обладает свободой и даже индивид, обреченный на смерть, свободен в том, чтобы выбирать свое отношение к этому факту [14, с. 54-68].

Особая роль в данном подходе уделяется также феномену авторитарной личности или личности, испытывающей особую тягу и стремление к власти. По А. Маслоу среди основных признаков авторитарной личности можно выделить: наличие в характере враждебности, ненависти, предрассудков; идентификация доброты со слабостью; садомазохистские стремления; присутствие ощущение постоянной неудовлетворенности и неспособность достичь удовлетворения в жизни; внутренний конфликт, связанный, как правило, с чувством вины, которое, в свою очередь, порождает чувство враждебности; стремление к внешним атрибутам власти; иерархичное сознание (тенденция рассматривать остальных людей как потенциальных соперников), отсюда, авторитарный человек воспринимает мир как «джунгли». Авторитарной личности А. Маслоу противопоставляет тип демократичной личности, которая характеризуется терпимостью, неконвенциональностью, гибкостью, отсутствием тяги к власти и иными качествами.

Вместе с тем, как прозорливо отмечает Е.Б. Шестопал, западная политическая наука пошла по пути исследования не столько демократической личности, сколько авторитарного типа [18, с. 112-114]. По сути, мало кто берётся сейчас рассуждать о том, какими качествами должна или может обладать демократическая личность. В том числе, в отечественных подходах к проблеме власти рассматриваются часто негативные аспекты феномена власти и чаще исследуются именно манипулятивные технологии [3, с. 429].

Особо среди психологических концепций власти в отечественной общественной мысли XIX-XX веков можно отметить исследования Н.К. Михайловского, который объяснял взаимоотношения вождя и массы «рефлексами подражания»; В.М. Бехтерева, утверждавшего, что историей управляют «коллективные рефлексы» и, более того, нахождение человека в толпе делает его полностью подчиненным власти и внушаемым (в частности, ученым разрабатывались проекты психотропного оружия); оригинальные психологические портреты отечественных лидеров были представлены в работах П.И. Ковалевского, Г.И. Чулкова, В.О. Ключевского и др. В частности, В.О. Ключевский заложил, на наш взгляд, основы политико-психологического понимания российской истории. Он уделял особенное внимание изучению русского национального характера и тех архетипических основ, которые создают уникальный образ российской власти.

Однако ни западные, ни отечественные теории в настоящее время не отвечают на вопрос о том, какие именно глубинные мотивы находятся у ис-

токов власти. Более или менее свет на эту проблему проливают некоторые новейшие западные теории системного анализа, построенные на исследовании языковой системы, глубинной человеческой памяти и т.п. В основном, это исследования когнитивной психологии и таких её теоретиков, как Р. Руперт [26], Р. Вилсон [27] и др.

Одно из ярких исследований в этой области было также проведено К. Макграу, который исследовал, какие психологические механизмы лежат в основании формирования политического образа и эти механизмы, по мнению учёного следует отличать от принятых в современной науке теорий мотивации. Например, К. Макграу детально анализирует процесс стереотипизации власти; героические и мифические черты политического лидерства; факторы, влияющие на восприятие внешних атрибутов власти, которые подсознательно влияют на выбор избирателей. Им также анализируются процессы формирования впечатления у избирателей и стратегии управления образом, которые воздействуют не на рациональный, а эмоциональный выбор политического лидера [22, 394-432]. Таким образом, теория К. Макграу, на наш взгляд, в наибольшей степени приближается к исследованию архетипов и глубинных политических установок.

С другой стороны, недостаток современных западных психологических концепций состоит в отсутствии, собственно, исследований политических архетипов и смещение акцента на анализ преимущественно ценностей. С позиции теории архетипов главная цель и смысл объединения людей в общности и государства – это бессознательное стремление к организации совместной жизни и к осуществлению своих потенциальных возможностей, направленных на достижение коллективного идеала (скрытого в глубинах коллективного бессознательного). Этот идеал становится вдохновителем важных концептов и значимых символов для любого народа. По сути, архетипы находят своё отражение в коллективных представлениях о жизни (носящих часто нравственный и эстетический характер), в сознании и эмоционально-образном мироощущении народа. Следовательно, можно предположить, что каждый народ имеет как общие, так и свои специфические представления о власти.

Согласно К.Г. Юнгу архетипы всеобщие, встроены в структуру сознания любой общности людей и находят своё отражение даже в мире животных. Так, Э. Канетти утверждал, что феномен власти – это феномен самой природы, который существует и в животном мире, и в человеческом обществе, где со временем трансформируется сообразно происходящему в обществе изменениям [7, с. 311-314]. Например, согласно Э. Канетти, психологическая установка и переживания, связанные с «приказом» старше, чем челове-

ский язык. Древнейшая форма приказа связана с побуждением к бегству: когда одно животное, более сильное и опасное, угрожает другому смертью и, тем самым, обращает его в бегство. Э. Канетти полагает, что в человеческом обществе природа приказа со временем трансформируется в определённые культурные формы, часто носит больше символический, чем реальный характер угрозы, но, тем не менее, любой «приказ» содержит в себе древнее архаическое правило, которое вынуждает слабейшего убежать: «Дело лишь в мощи угрозы голосом, взглядом или внушающим страх силуэтом» [8, с. 112]. Несмотря на то, что со временем приказ «одомашнился», его форма сохранила в себе силу беспрекословной власти и побуждение человека к послушанию и действию: поскольку «приказывает всегда тот, кто все-равно победит» [8, с. 113].

Академик Б. Поршневу утверждал, что появление праречевой формы приказа сыграло ключевую роль в процессе антропогенеза, и привело к появлению у человека второй сигнальной системы, у истоков которой лежит не надбавка к первой сигнальной системе, не особый способ обмена информацией, а весьма специфический вид влияния одного индивида на действия другого, называемый интердикцией, когда появляются «приказывающий» и «повиновующийся». Согласно Б. Поршневу приказ ведёт своё происхождение от психологической агрессивности определенной части людей, при чём эта агрессивность, по мнению учёного, может носить латентный характер и выражаться в установке на авторитарность [12]. Эту же идею разделяют и некоторые западные психологи, в частности, рассмотрение данной теории мы встречаем у антрополога Ренди Нельсона [24].

Исходя из теории антропогенеза, речь у древних народов, как и мышление, сводились к повелению и подчинению, «пра-речь» первоначально состояла из приказов и требований одной части популяции, а внушаемость, «суггестивность» другой части населения стала в итоге стержнем социального поведения. В результате этого происходило образование определённых ментальных конструкций, которые впоследствии объясняли необходимость власти и подчинения, а ещё позже стали основой для формирования идеологических политических ценностей. В частности, это подтверждается исследованиями Рона Ингхларта [20].

Е.Б. Шестопал также отмечает, что менталитет отражает глубинные основания культуры определённого народа [25, с. 3-18]. Эта же идея находит своё выражение в психологических концепциях политического восприятия, которые базируются на идеях субъективизма: основные политические установки формируются в результате сложного взаимодействия осознавае-

мых и неосознаваемых индивидом факторов, которые преломляются через психологические особенности личности [28, с. 4-6].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что исследование психологических истоков власти и онтологического происхождения ряда политических понятий, открывает возможность для анализа самого механизма организации власти как в обществе, в целом, так и в рамках отдельного народа.

Вместе с тем, в отечественной политологии феномен власти продолжает традиционно рассматриваться в рамках мотивационных теорий, в связи с чем учёными выделяются те или иные мотивы подчинения власти. В частности, рассматривая установку на подчинение власти, учёными анализируются, как правило, поверхностные ценностные предпосылки. Условно все мотивационные теории, описывающие феномен «подчинения власти» можно представить в виде следующей классификации:

Мотивация подчинения, связанная с желанием получить поощрение или избежать наказания. Считается, что это является первичной причиной подчинения себе подобным, которая в равной степени присутствует и у людей, и у животных [23]. Однако если эта мотивация не находит дополнительного подкрепления, то при исчезновении угрозы наказания или надежды на поощрение, она себя исчерпывает. Поэтому считается, что такая форма подчинения самая неустойчивая. Послушание – частный вид такого подчинения и, как утверждал Э. Аронсон, «тенденция к слепому послушанию власти всепроникающа» [1, с. 544]. Такое подчинение таит в себе большую опасность, поскольку учит людей манипулировать субъектом власти, порождает в них угодничество и скрытность. Э. Аронсон продемонстрировал это на примере семейных отношений: если ребенок демонстрирует доброту и великодушие по отношению к младшему брату с целью получить от матери одобрение в форме печенья, то совершенно необязательно, что из такого ребенка в будущем получится добрый и великодушный взрослый (единственное, что он действительно усвоил, так это то, что демонстрация великодушия – это хороший способ получить печенье) и, скорее всего, с детских лет научившись манипулировать, ребенок продолжит применять эту стратегию и во взрослой жизни. Отсюда, поощрение и наказание со стороны субъекта власти остаются эффективными лишь в ситуациях, когда невозможно предложить иной способ или дополнительные причины для подчинения.

Потребность в идентификации или отождествлении. Эта мотивация возникает в случае добровольного подчинения власти отдельной личности, при чём потребность в таком подчинении часто рационализируется людьми: они склонны обосновывать свою симпатию к субъекту власти логическими

доводами. В большей степени стремление к идентификации связано с реакцией на удовлетворяющий людей образ поведения, когда ценности и attitudes субъекта власти также оказываются для них привлекательными. Идентификация является столь мощной и самоподкрепляемой силой, что не нуждается ни в каком дополнительном контроле. Многие исследователи отмечают, что привлекательность субъекта власти – это решающий компонент, который стимулирует поведение подчинения.

Потребность в подражании тесно связана с идентификацией. Это основание впервые сформулировал Г. Тард, указав, что подражание – это первичная сила коллективной души [13. С. 11]. Согласно Г. Тарду вождь в какой-то момент времени становится воплощением этой души, содержащей в себе те ценности и представления, которые особым образом воспринимаются тем или иным этносом, как значимые для себя. Таким образом, лидер начинает воплощать идеал и образец, психологически притягательный; такой образ-символ политического лидера становится способен объединить людей и мобилизовать их на совместные действия, поскольку каждый сознательно или подсознательно стремится быть похожим на вожака, подражать ему даже в деталях: «Когда толпа восхищается своим лидером, когда армия восхищается своим генералом, она восхищается собой, она присваивает себе то высокое мнение, которое этот человек имеет о себе» [13, с. 14].

Подчинение для обретения человеком чувства безопасности. Эта мотивация связана с ситуацией, когда другая личность или общество берёт на себя ответственность за обеспечение качества жизни индивида. Безопасность также связана с тем, что функции власти и индивида оказываются строго регламентированы, что создает для людей дополнительную иллюзию порядка и рождает в них уверенность в «завтрашнем дне», в стабильности происходящих в жизни процессов. В частности, М. Вебер отмечал, что харизматическая (иными словами, можно сказать, психологическая) власть выходит на арену всегда в переломные моменты истории, во времена смуты и хаоса, когда людям кажется, что всё вокруг рухнет. В такие времена, как утверждает М. Вебер, нередко появляется вождь или спаситель, который приобретает «беспредельную монополию на всеобщее доверие» [11, с. 137], он может «основать новую веру, партию или город, создать империю» [11, с. 137], но главное, такая фигура способна создать иллюзию безопасности, её уверенность и фанатизм в вере в собственную избранность, как правило, охотно принимается людьми, ибо состояние неопределённости для них гораздо более мучительно и разрушительно. В.В. Крамник удачно выразил эту мысль следующим образом: «разделив с властью ее картину мира, человек

обретает не только надежду на выживание, но, что гораздо более важно, возможность счастья» [9, с. 222].

Среди других причин подчинения власти можно назвать -потребность в любви к кумиру, авторитету. Согласно психоанализу данное основание подчинения власти объясняет феномен авторитарной личности. Действительно, не в этом ли одна из причин человеческой экзистенциальной несвободы – в привычке восхищения и слепой вере в мнения авторитетов?! Во многом об источнике власти, как потребности в любви отца (или Бога) писал и З. Фрейд. Отчасти, такая любовь, имеющая своим источником власть, создает ореол легитимности власти, что неоднократно отмечалось, в частности, Ю. Хабермасом, утверждавшим, что легитимность политического порядка измеряется верой в него тех, кто подчинен его господству.

Интернализация – представляет собой наиболее устойчивое основание для подчинения власти и наиболее глубоко укорененную реакцию на влияние власти. В данном случае, подчинение происходит уже не в силу необходимости, из-за обстоятельств или из-за потребности компенсировать психологическую неудовлетворенность собой или ситуацией. Причина подчинения исходит из внутреннего убеждения в правильности того или иного поведения (например, водитель не превышает скорость не из-за того, что может последовать наказание и не из-за желания выглядеть добропорядочным в глазах других, а в силу своей внутренней потребности и убежденности в необходимости соблюдать правила). Подчинение здесь происходит в силу «кредита доверия», внутреннего принятия установленных порядков и, потому, считается, что поколебать такую форму подчинения довольно сложно, но, вместе с тем, она не направлена на какую-либо личность, а связана с подчинением власти в форме закона или правила.

Предложенная нами классификация носит достаточно условный характер. Так, например, идентификацию и интернализацию сложно отнести к изначальной форме самого подчинения, которое понимается чаще в более узком значении – как выполнение чужой воли в противовес своей собственной. А согласно, например, С. Московичи все мотивы подчинения можно, в целом, свести только к двум феноменам – «давлению» и «восхищению». Первое, согласно С. Московичи, связано с ситуацией, в которой, чувствуя давление лидера, люди ощущают исходящую от него угрозу, что вызывает у них страх (И. Сталин) и одновременно с этим любовь и преданность. Такая власть, согласно С. Московичи, заставляет других людей признавать «право сильного», они уступают и даже начинают любить своего кумира. В другой ситуации, согласно С. Московичи, лидер способен вызывать восхищение (Де

Голль, Махатма Ганди, Ленин), он не угрожает и не вызывает страха, но его признают также «по праву сильного» и наиболее способного.

В итоге, обе диаметрально противоположные позиции, описанные С. Московичи, приводят к одному и тому же результату – подчинение и неограниченная власть политического лидера: «В одном случае вождю подчиняются, так как он командует, в другом он командует, потому что ему подчиняются. Большинство социальных наук придерживаются первого объяснения. Они делают из давления насилие, источник которого в... социальном принуждении. Психология толп придерживается второго объяснения. Потребность восхищаться замечательным и авторитетным человеком, на которого они могли бы опереться, приводит, говорит она, массы к подчинению вождю. Если он господствует над ними, вынуждает их подчиняться своим приказам, то только с их согласия» [10, с. 683].

Таким образом, уже из проведённого нами краткого обзора можно увидеть, что психология власти и существующие здесь теории имеют важное значение для политологического анализа. Понимание мотива подчинения открывает возможность для исследования более глубинных причин, связанных с формированием того или иного вида политической власти у разных народов.

В целом, политические психологи и политологи всё больше обращают внимание на связь эмоций, бессознательных установок и предпочтений в выборе той или иной модели политической власти.

С другой стороны, современному психологическому подходу к власти в большей степени не достаёт анализа изначальных архетипов культуры, первичных концептов, лежащих в основании миропонимания у различных народов. Так, по мнению Ф. Гринстайна, современные научные теории метафорично похожи на человека, потерявшего ключи и намеренного искать их исключительно под фонарём по той причине, что там есть свет [19, с. 125-127]. В то же самое время, ответы на вопросы науки чаще находятся в области тьмы или того неизведанного, которое невозможно игнорировать, поскольку оно всё равно, хотим мы того или нет, оказывает непосредственное влияние на политическую действительность.

Среди недостатков психологических подходов можно назвать и увлечённость поверхностными оценками и исследованием ценностей современного нам общества. Вместе с тем, известно, что ценности имеют тенденцию меняться, в то время как архетипы культуры (и соответствующие формы архетипа власти, принятые у конкретного народа) имеют тенденцию проявляться в любой исторический период. В связи с этим, именно анализ архетипов политической культуры, лежащих в основе политического мировоззре-

ния, может предложить, на наш взгляд, не только его понимание, но и способы разрешения современных политических проблем.

Литература

1. Аронсон Э. Общественное животное // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
2. Иванов В.Г. «Charts power» - «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технологии использования и стратегии противодействия. М.: ИНФРА-М, 2015.
3. Иванов В.Г. Кризис концепции «технократии» в контексте изучения постиндустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. №1(28).
4. Иванова М.Г. Роль национальных архетипов для формирования образа будущего России // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2017. Т.19. №3.
5. Иванова М.Г. Социально-философский анализ национальных архетипов России // Философская мысль. 2017. №10.
6. Истон Д. Категории системного анализа политики / М.А. Василик, М.С. Вершинин (сост.). Политология. М., 2000.
7. Канетти Э. Масса // Психология масс. Хрестоматия. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2010.
8. Каннети Э. Элементы власти // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
9. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
10. Московичи С. Психология харизматического вождя // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
11. Московичи С. Власть – неизбежный источник отношений между людьми. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
12. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии) / Под. ред. Л.Н. Дороговой и И.А. Кадышевой; предисл. С.А. Токарева, Х.Н. Момджяна, Л.И. Анцыферовой. М.: Мысль, 1974.
13. Тард Г. Преступления толпы / Г. Тард; Пер. д-ра И.Ф. Иорданского, под ред. проф. А.И. Смирнова. Казань: Н.Я. Башмаков, 1893.
14. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.
15. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого «Я» // Психология масс. Хрестоматия. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2010.
16. Фромм Э. Авторитарная личность // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
17. Юнг К.Г. Диагностика диктаторов // Психология и психоанализ власти. Самара: Издательский дом «Бахрах-М», 2016.
18. Шестопал Е.Б. Четверть века политических реформ в России с точки зрения психологии // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018.
19. Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically // Political psychology. 1992. Vol. 13 №1.
20. Inglehart R. The silent revolution. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1977.
21. Lasswell H.D. Psychopatality and politics. Chicago, 1931.
22. McGraw K.M. Political impressions: Formation and Management // Oxford Handbook of Political Psychology, 2003.
23. Moyes C.D., Schulte P.M. Principles of Animal Physiology, second edition. Pearson/Benjamin Cummings. Boston, MA, 2008.
24. Nelson R.J. Biology of Agression. Oxford University press. 2005.
25. New trends in Russian Political Mentality: Putin 3.0 // Ed. By E.B. Shestopal. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2016.

26. Rupert R.D. Cognitive Systems and the Extended Mind (Philosophy of Mind). Oxford University Press, 2009.

27. Wilson R.A., Andy C. How to Situate Cognition: Letting Nature Take Its Course. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.

28. Zebrowitz L. Social Perception (Mapping Social Psychology). Buckingham: Open University Press, 1990.

References

1. Aronson E.H. Obshchestvennoe zhivotnoe // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

2. Ivanov V.G. «Charts power» - «rejtingovaya sila» kak instrument myagkoj sily i ehkonomicheskoe oruzhie: tekhnologii ispol'zovaniya i strategii protivodejstviya. M.: INFRA-M, 2015.

3. Ivanov V.G. Krizis koncepcii «tekhokratii» v kontekste izucheniya postindustrial'nogo obshchestva // Voprosy gumanitarnyh nauk. 2007. №1(28).

4. Ivanova M.G. Rol' nacional'nyh arhetipov dlya formirovaniya obraza budushchego Rossii // Vestnik RUDN. Seriya: Politologiya. 2017. T.19. №3.

5. Ivanova M.G. Social'no-filosofskij analiz nacional'nyh arhetipov Rossii // Filosofskaya mysl'. 2017. №10.

6. Iston D. Kategorii sistemnogo analiza politiki / M.A. Vasilik, M.S. Vershinin (sost.). Politologiya. M., 2000.

7. Kanetti E.H. Massa // Psihologiya mass. Hrestomatiya. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2010.

8. Kanneti E.H. EHlementy vlasti // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

9. Kramnik V.V. Social'no-psihologicheskij mekhanizm politicheskoy vlasti // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

10. Moskovichi S. Psihologiya harizmaticheskogo vozhdya // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

11. Moskovichi S. Vlast' – neizbezhnyj istochnik otnoshenij mezhdru lyud'mi. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

12. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii) / Pod. red. L.N. Dorogovoj i I.A. Kadyshvevoj; predisl. S.A. Tokareva, X.N. Momdzhlyana, L.I. Ancyferovoj. M.: Mysl', 1974.

13. Tard G. Prestupleniya tolpy / G. Tard; Per. d-ra I.F. Iordanskogo, pod red. prof. A.I. Smirnova. Kazan': N.YA. Bashmakov, 1893.

14. Frankl V. CHelovek v poiskah smysla: Sbornik: per. s angl. i nem. / Obshch. red. L.YA. Gozmana i D.A. Leont'eva. M.: Progress, 1990.

15. Frejd Z. Massovaya psihologiya i analiz chelovecheskogo «YA» // Psihologiya mass. Hrestomatiya. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2010.

16. Fromm E.H. Avtoritarnaya lichnost' // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

17. YUng K.G. Diagnostika diktatorov // Psihologiya i psihoanaliz vlasti. Samara: Izdatel'skij dom «Bahrah-M», 2016.

18. SHestopal E.B. CHetvert' veka politicheskikh reform v Rossii s točki zreniya psihologii // Politicheskaya psihologiya: Hrestomatiya / Sost. E.B. SHestopal. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo «Aspekt Press», 2018.

19. Greenstein F.I. Can personality and politics be studied systematically // Political psychology. 1992. Vol. 13 №1.

20. Inglehart R. The silent revolution. Princeton; New Jersey: Princeton University Press, 1977.

21. Lasswell H.D. Psychopathology and politics. Chicago, 1931.
22. McGraw K.M. Political impressions: Formation and Management // Oxford Handbook of Political Psychology, 2003.
23. Moyes C.D., Schulte P.M. Principles of Animal Physiology, second edition. Pearson/Benjamin Cummings. Boston, MA, 2008.
24. Nelson R.J. Biology of Agression. Oxford University press. 2005.
25. New trends in Russian Political Mentality: Putin 3.0 // Ed. By E.B. Shestopal. Lanham, Maryland: Lexington Books, 2016.
26. Rupert R.D. Cognitive Systems and the Extended Mind (Philosophy of Mind). Oxford University Press. 2009.
27. Wilson R.A., Andy C. How to Situate Cognition: Letting Nature Take Its Course. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009.
28. Zebrowitz L. Social Perception (Mapping Social Psychology). Buckingham: Open University Press, 1990.